

Retrosaria*

Мария Эужения встает в половине девятого.

Можно было бы, конечно, в восемь, а то и без четверти: вымыть голову, поесть по-человечески, за столом, и, может, даже подкраситься, а почему бы и нет?

Но Мария Эужения никак не может заставить себя встать раньше.

«Какой смысл вставать без четверти восемь, — думает Мария Эужения, — если магазин все равно нельзя открыть раньше десяти?»

Мария Эужения выскакивает из постели и начинает метаться по дому.

Можно было бы, конечно, все приготовить с вечера: снять с вешалки блузку, повесить на стул брюки, вытащить из машинки чистые трусы.

Но Мария Эужения не любит загадывать заранее.

«Допустим, я приготовлю себе зеленую блузку, — думает Мария Эужения, — а утром мне захочется надеть розовую. И что тогда?»

Мария Эужения выходит из дому в девять.

Можно было бы, конечно, и попозже, Мария Эужения ни перед кем не отчитывается — во сколько пришла, во столько пришла.

* Retrosaria — ниточно-иглочно-пуговичная лавочка.

Но Мария Эужения не понимает, что ей делать дома, раз она уже все равно встала.

«Если расписание существует, — думает Мария Эужения, — то его надо соблюдать. Даже если отчитываться не перед кем.»

Мария Эужения заходит в автобус, садится у окна и засыпает.

Можно было бы, конечно, и постоять, не цаца, не развалится.

Но Марии Эужении не нравится спать стоя.

«Если бы я умела спать стоя, — думает Мария Эужения, задремывая, — я была бы лошадь. А разве я — она?»

Без десяти десять Мария Эужения подходит к магазину.

Без пяти поднимает последнюю металлическую штору.

Без двух минут со скрежетом поворачивает ключ в замочной скважине, считает про себя до трех, зажмуривается, и, толкнув тяжелую дверь, входит в магазин.

В магазине Мария Эужения осторожно подходит к стене, наощупь вытаскивает большую картонную коробку, ставит ее на прилавок и только после этого открывает глаза.

Коробка до половины заполнена резными костяными пуговицами.

Мария Эужения по локоть погружает руки в коробку и восхищенно вздыхает.

Cafeteria*

Дона Алзира сидит за столиком в маленьком кафе и крошечными глотками пьет кофе из белой чашечки. Кофе мало, и хотя дона Алзира старается изо всех сил, растянуть его надолго не удастся.

Дона Алзира со стуком ставит чашечку на стол и лезет в карман. Где-то в кармане у нее была монетка.

«Если это евро, — думает дона Алзира, роясь в кармане. — расплачусь и возьму еще чашечку».

Дона Алзира нащупывает монетку, и, не глядя, зажимает ее в кулаке.

«А если два евро, — торопливо додумывает она, — возьму и кофе, и кокосовую булочку.»

Дона Алзира разжимает кулак и смотрит на монетку.

Монетка оказывается бесплатным жетончиком из супермаркета.

— Надо же, — бормочет дона Алзира, обращаясь к жетончику. — Вот ты где. А я тебя вчера в кошельке искала...

Доне Алзире очень стыдно, у нее даже щеки горят. Ей кажется, что люди вокруг знают, как она распланировала два евро, и теперь они смотрят на нее и посмеиваются.

Дона Алзира сует жетончик обратно в карман, подносит ко рту пустую чашечку и делает вид, что допивает кофе.

Потом она смотрит на часы и вскакивает из-за столика.

* Cafeteria — это не советский кафетерий, а просто маленькое уличное кафе: кофе, вода, два-три вида булочек. Если в здании четыре подъезда, два из них, как правило, такие кафешки.

— Ну, надо же! — вскрикивает дона Алзира, — совсем забыла! Я же опаздываю!

Она поворачивается к прилавку и неуверенно смотрит на хозяйку кафе — дону Сидалию, которая аккуратно режет сливочный торт.

— О, Сидалия...— говорит она.

— Бегите, дона Алзира, бегите, потом заплатите, у меня сейчас руки заняты! — дона Сидалия подмигивает доне Алзире и слизывает с ножа сливочную кляксу.

Дона Алзира с облегчением улыбается, желает Сидалии приятных выходных и выходит из кафе. Быстрым шагом доходит до угла, сворачивает в переулок и останавливается.

— Кофе, — печально бормочет она себе под нос. — Где бы выпить кофе...

Ourivesaria*

Дона Лурдеш приходит к магазину задолго до конца перерыва.

Прислоняется к выложенной зеленой плиткой стене и терпеливо ждет.

Солнце греет стену и дону Лурдеш, легкий ветерок пахнет океаном, и доне Лурдеш кажется, будто ванна уже вычищена, полы вымыты, ужин сделан, и даже простыни поглажены, и все это — само собой, без ее, доны Лурдеш участия.

От этого доне Лурдеш делается так хорошо, что она даже глаза слегка прикрывает, и ее лицо становится похоже на изображение Богоматери Праведных Удовольствий**.

В три часа дня с разных сторон к магазину подбегают две молоденькие продавщицы.

— Опять эта тетка, — нервно шепчет Бела, отпирая металлическую дверь. — Давай, ты с ней разберешься? У тебя лучше получается.

— Перебьешься, — хмуро отвечает Нела, отключая сигнализацию. — Твоя клиентка, ты с ней и разбирайся.

* Ourivesaria — ювелирная лавочка или ювелирный магазин.

** Nossa Senhora dos Prazeres или Nossa Senhora das Sete Alegrias — Богоматерь Праведных удовольствий или Богоматерь Семи Веселий. К весельям и удовольствиям относятся: явление ангела, рождение Христа, приход волхвов и т.д.

Дона Лурдеш делает последний глоток ветра и солнца и решительно открывает глаза.

Она вспоминает, что на самом деле, ванна не вычищена, полы не вымыты, для ужина еще ничего не куплено, а простыни придется гладить ночью, когда дети уснут.

От этого доне Лурдеш делается так тошно, что она слегка зеленеет, и лицо ее становится похоже на давно запертый подвал.

— Идет, — обреченно говорит Бела. — А я надеялась, что она там уснула, у стены...

— Не ной, — отвечает Нела. — Когда-нибудь же ей надоест сюда таскаться.

— Тебе легко говорить, — бурчит Бела и тут же расцветает в радостной улыбке. — Добрый день, дона Лурдеш! Чем могу быть вам полезна?

Дона Лурдеш подходит вплотную к стеклянному прилавку и кладет на него большую черную сумку. Бела едва заметно морщится. За царапины на стекле обязательно влетит от Карлуша. Но если попросить дону Лурдеш снять сумку с прилавка, дона Лурдеш обидится и напишет жалобу. И тогда от Карлуша влетит еще сильнее. «Господи, пожалуйста, сделай так, чтобы она не поцарапала стекло», — мысленно просит Бела, улыбаясь еще радостнее.

Дона Лурдеш достает из сумки потертую косметичку. В косметичке у нее лежит тоненький серебряный браслет. Этот браслет дона Лурдеш купила себе на Рождество за двадцать пять евро, упаковала в красивую картонную коробочку и вложила туда же крошечную открытку с ежиком и мышкой. Ежик на открытке обнимал мышку, и из его рта выползли слова: «Моей любимой жене». Дона Лурдеш положила коробочку под елку и в Рождество сделала вид, что это подарок от Шику. Шику тоже сделал вид, что это пода-

рок от него, только спросил, не многовато ли у доны Лурдеш украшений, но спросил не всерьез, не обидно. Дона Лурдеш надела браслет на руку и ходила в нем три дня, нарочно отворачивая рукав, чтобы все видели ее браслет. А на четвертый день у браслета отвалилась застежка.

— Вы поймите, дона Лурдеш, — говорит Бела, улыбаясь изо всех сил. — Мы же уже два раза отправляли его в починку. А он опять ломается. Это брак, понимаете? Фабричный брак. Если бы у нас были еще такие браслеты, мы бы вам заменили, и дело с концом. Но этот был единственный, понимаете?

— Если хотите, — подхватывает Нела, — мы можем вернуть вам деньги. Или вы можете выбрать что-нибудь другое. Например... — Нела вертит головой в поисках чего-нибудь за двадцать пять евро. — Например, вот этот крест!

Дона Лурдеш с отвращением смотрит на огромный аляповатый крест, усыпанный гранеными стекляшками. Сейчас она выскажет этим наглым девицам все, что она думает об их магазине и о том, как здесь относятся к клиентам. Вначале выскажет, а потом потребует жалобную книгу и напишет все то же самое. И, может, еще даже добавит.

Дона Лурдеш открывает рот.

Легкий ветерок врывается в магазин и слегка шевелит доны Лурдеш волосы. Ветерок пахнет солнцем и немного океаном, и от этого запаха гнев доны Лурдеш улетучивается.

Дона Лурдеш откашливается.

— Давайте деньги, — говорит она.

— Слава богу, отделались, — одними губами шепчет Бела, выписывая квитанцию. — Не могу поверить!

— Погоди радоваться, — отвечает осторожная Нела. — Она ведь еще не ушла.

Дона Лурдеш берет двадцать пять евро и выходит из магазина.

— Сейчас я сяду на катер, — говорит громко, — и поеду на Трою***. Я тысячу лет не была на Трое.

Совсем маленькая девочка останавливается и с любопытством смотрит на разговаривающую с собой дону Лурдеш.

Дона Лурдеш наклоняется к ней.

— А ужин пусть Шикю сам делает, — говорит она девочке. — И простыни пусть сам гладит, правда же?

Девочка пугается и делает шаг назад. Дона Лурдеш подмигивает и выпрямляется, улыбаясь. Ее лицо становится похоже на изображение Богоматери Праведных Удовольствий.

*** Troia — полуостров, разделяющий реку Sado и океан, 50 км чистейшего песчаного пляжа.

Livraria*

Сеньор Гутерреш раскладывает книги в витрине так, чтобы сложить из названий осмысленную фразу.

Сеньор Гутерреш не надеется, что кто-нибудь ее прочитает. Просто ему нравится раскладывать книги.

Потом сеньор Гутерреш забирается на стремянку и начинает сметать пыль с самого верхнего стеллажа веничком из перьев.

Девочка подходит к магазину, внимательно рассматривает витрину и хихикает.

Девочка заглядывает в магазин.

— А у вас там в витрине цитата неправильная, — говорит она в спину сеньору Гутеррешу.

Сеньор Гутерреш оглядывается, придерживаясь рукой за стеллаж и смотрит на девочку из-под очков.

— Заходи, — говорит он, — я сейчас спущусь.

Девочка заходит в магазин и начинает разглядывать книги.

Сеньор Гутерреш осторожно, задом, спускается со стремянки.

* Livraria — это просто книжная лавочка. И как любая книжная лавочка — удивительно прекрасное место.

— Там правильная цитата, — говорит сеньор Гутерреш, складывая стремянку и сдвигая очки к кончику носа. — И верни, пожалуйста, книгу на место.

— Какую книгу? — неискренне удивляется девочка и слегка краснеет.

— Вон ту, — сеньор Гутерреш выразительно помахивает веничком из перьев. — Которая топорщится подмышкой.

Девочка неохотно вытаскивает из куртки небольшой, но увесистый томик.

— Да пожалуйста! — говорит она, поворачиваясь к сеньору Гутеррешу спиной.

— Не «дапожалуйста», а три-ноль в мою пользу. — сеньор Гутерреш заталкивает книгу на полку. — За обед в субботу платишь ты.

— Нечестно, — бубнит девочка, направляясь к выходу. — Вы подглядывали!

— Я никогда не подглядываю! — наставительно говорит сеньор Гутерреш, идя за ней. — Просто ты не умеешь воровать книги.

Девочка останавливается на пороге, топчется там несколько секунд, потом резко поворачивается к сеньору Гутеррешу.

— Три один!!! — кричит она, потрясая маленькой книжкой в бумажной обложке. — Десерт покупаете вы!

Девочка бросает книгу на пол и убегает, громко хохоча.

— Вот бессовестная девица! — говорит сеньор Гутерреш с довольным видом, подбирая книгу и обмахивая ее веничком из перьев. — Никакого уважения к старшим...

Ervanária*

Эдуарду (Дуду) Пиментел лихо заезжает на тротуар и глушит мотор. Спрыгивает с мотоцикла и, снимая на ходу шлем, идет к крошечному магазинчику с пыльной стеклянной витриной.

Из магазинчика навстречу Дуду выкатывается странный зверек в полосатом свитерке, полосатых вязаных тапочках и с круглым рыжим хвостом, похожим на слегка облезшую меховую хризантему. Зверек нюхает ноги Дуду в белых кроссовках и брезгливо фыркает. Меховая хризантема слегка покачивается.

— Зверек-зверек, — говорит Дуду, присаживаясь на корточки. — Зверек-зверек-зверек! Ты вообще что? Собака или кошка?

При звуках его голоса зверек пятится, поднимает черную мордочку и заливается звонким лаем.

— Собака, — констатирует Дуду, выпрямляется и, не обращая больше внимания на зверька, входит в магазинчик и чуть не падает — не заметил в полумраке, что сразу за порогом начинаются ступеньки.

В магазинчике холодно, сумрачно и душно пахнет травами и пылью. Дуду крутит головой и чихает: раз и другой.

Успокоившийся было зверек в свитерке и полосатых тапочках, который следом за Дуду вбежал в магазин, снова заходится лаем.

* Ervanária — травная лавочка.

Дуду ждет добрых пять минут и, наконец, теряет терпение.

— Эй! — кричит он и снова чихает. — Есть здесь кто-нибудь?

— Иду-иду! — отвечают ему откуда-то из-за стеллажа, снизу доверху уставленного коробочками и ящичками. — Я уже иду! Одну секундочку! Я уже здесь!

Дуду делает шаг вперед и чуть не сбивает с ног крошечную старушку, завернутую в огромную вязанную шаль с кистями. Старушка такая маленькая, а шаль такая большая, что кисти подметают пыльный каменный пол.

— Прошу прощения, — говорит Дуду, придерживая старушку за локоть. — Добрый день.

— Ничего страшного, мой мальчик, — весело отвечает старушка. — Меня зовут дона Дулсе. Пирусаш, сейчас же замолчи!

Дуду вздрагивает, потом понимает, что «замолчи» относилось не к нему, а к зверьку в тапочках, и улыбается.

— Добрый день, сеньора дона Дулсе, — повторяет он вежливо. — Я из электрической компании. Я хотел... — Дуду не договаривает и чихает.

— О! Вы простужены! — восклицает старушка и исчезает за стеллажом. Зверек в тапочках бежит за ней. — Одну секундочку, мой мальчик, — говорит она, чем-то шурша, постукивая и позвякивая. — Одну малюсенькую секундочку! Сейчас мы разберемся с вашей простудой! Сейчас я вам найду такую травку, что от вашей простуды и следа не останется!

Дуду переступает с ноги на ногу.

— Я не простужен! — говорит он. — Я из электрической компании! Я только хочу снять показания вашего счетчика.

— Конечно, мой мальчик! — отвечает ему дона Дулсе, выходя из-за стеллажа с коробочкой в одной руке и с пакетиком — в другой. — Вот это, — она поднимает пакетик по-

выше, — я заварю вам прямо сейчас. У вас сразу же пройдет насморк и перестанет чесаться в носу. А это, — дона Дулсе показывает Дуду коробочку, — вы попьете дома. У вас ослабленный иммунитет, мой мальчик, вам обязательно нужно пить травки!

Дуду тяжело вздыхает.

— Большое спасибо, дона Дулсе, — говорит он, старательно подбирая слова. — Я вам очень-очень признателен...

— Так я заварю травку? — радостно перебивает старушка. — Это очень быстро! Вы увидите, как вам сразу станет легче!

«Спокойно, Дуду, — думает Дуду, прикрывая глаза. — Спокойно, старик. Это просто одинокая старушка. Она сидит здесь одна, и ей не с кем поговорить. Держи себя в руках».

— Что с вами, мой мальчик?! — пугается дона Дулсе. — Вам плохо? У вас давление? Я сейчас принесу травку от давления! У меня есть отличные...

— Мне хорошо!!! — скрежещет Дуду, открывая глаза. — Мне не нужно травок! У меня аллергия на травки! И вообще я на работе! Пожалуйста, дона Дулсе, миленькая, покажите мне ваш электрический счетчик, я сниму показания и пойду!

Дона Дулсе сникает.

— Конечно, мой мальчик, — тихо говорит она, складывая пакетик и коробочку на полку. — Простите меня. Счетчик возле двери, слева.

Дуду поднимается на две ступеньки и быстро записывает показания счетчика в блокнот. Потом оглядывается. Крошечная дона Дулсе стоит у стеллажа, зябко кутаясь в свою огромную шаль с кистями. Зверек Пирусаш улегся у нее в ногах спиной к Дуду, Дуду виден только печально

опущенный круглый хвост, похожий на облезлую меховую хризантему.

Дуду становится трудно дышать, как будто кто-то его слегка придушил — не до смерти, но чувствительно.

Он снова спускается вниз и совершенно неожиданно для себя обнимает маленькую старушку.

— Большое спасибо, дона Дулсе, — говорит он проникновенно. — Когда я простужусь, я обязательно приеду к вам за травками. Обещаю!

— И правильно сделаете, мой мальчик! — наставительно отвечает дона Дулсе и что-то сует Дуду в карман. — Дома попейте эти травки, хотя бы несколько дней. Вы сразу забудете о вашей аллергии!

Дуду хочет что-то сказать, но у него начинает чесаться в носу, и он чихает.

Зверек Пирусаш вскакивает и заливается звонким лаем.

Pastelaria*. Fabrico próprio**

«Только кофе — и все, — думает Маргариди, идя по улице. — Кофе чашечку. И хватит».

Вчера вечером весы в ванной показали такое, что Маргариди час плакала, ночь не спала, а к утру приняла решение.

«Кофе — и все, — твердо думает она. — И даже без молока».

Желудок сжимается в комок и издает отчетливый стон.

«Ладно, с молоком, — смягчается Маргариди. — Но только одну чашку. И все.»

Желудок что-то недовольно ворчит, но Маргариди больше не обращает на него внимания.

«Кофе — вполне себе завтрак, — думает она. — Особенно если с молоком».

Маргариди сворачивает в переулок и останавливается между маленькой сумрачной забегаловкой с надписью «Бар №9» и огромной благоухающей кондитерской «Сладкий ангел».

«Только кофе — и все», — напоминает себе Маргариди, делая шаг к Номеру Девять.

«Но в кондитерской кофе значительно лучше», — думает она, делая два шага к Сладкому Ангелу.

* Pastelaria — кондитерская. хорошая кондитерская — это очень, очень волшебное место.

** Fabrico próprio — эта фраза значит, что сладости делаются прямо там, при кондитерской, а не заказываются, непонятно где.

«Зато в баре нет никаких особенных соблазнов», — Маргариды решительно поворачивается к Ангелу спиной.

«Но чашки там — невымытые. И кофе гадкий! И туалет! Грязный! И! Вонючий!!!» — Маргариды представляет себе грязный и вонючий туалет, и застывает на месте. Ее начинает мутить.

«Это меня от голода мутит, — думает Маргариды и почти бежит к кондитерской. — Сейчас выпью кофе, и все пройдет».

— Доброе утро, барышня Маргариды! — говорит кассирша на входе. — Что-то вы сегодня припозднились!

Маргариды неопределенно пожимает плечами и садится за столик. Она старается не смотреть на витрину с пирожными, но никак не может удержаться и бросает на витрину короткие жадные взгляды.

«Только кофе, — отчаянно думает Маргариды, — только ко... ой, сегодня у них, наконец, есть берлинские шарики***... только кофе, только кофе... а что это, хотела бы я знать, за «Шоколадное наслаждение»? Нет, только кофе, только кофе, только...»

— Доброе утро! — весело здоровается официант. — А мы боялись, что вы сегодня уже не появитесь! Вам как обычно?

— Да, — говорит Маргариды, вымученно улыбаясь. — То есть, нет... то есть... — она пытается сказать «только кофе», но язык не слушается, и Маргариды с ужасом слышит собственные слова, — мне кофе с молоком, кекс с цукатами и берлинский шарик. И этого... «шоколадного наслаждения» пару кусков — с собой...

*** Берлинский шарик — *bola de Berlin*, круглый пончик с желтковым или заварным кремом.

Papalaria*

Рано утром маленький грузовой фургончик с надписью на боку «Газетчик». Доставка печатной продукции» заезжает в переулок и останавливается под табличкой «Парковка запрещена». Алберту выбирается из кабины и деликатно — костяшками согнутых пальцев — стучит в дверь совсем крошечного магазинчика. Ему никто не отвечает, поэтому Алберту стучит посильнее — кулаком, и, наконец, от души пинает дверь тяжелым черным ботинком.

— Я здесь уже, здесь, — раздается сбоку хрипловатый голос. — Прекращай долбить, соседей разбудишь!

Алберту поворачивается и почти сталкивается с заспанной всклокоченной Терезой.

— Хорошаааааа, — ехидно говорит Алберту, прищелкнув языком. — Так и будешь сегодня работать в пижаме?

Тереза непонимающе смотрит на Алберту, потом опускает глаза и охает — из-под элегантного черного пальто торчат ноги во фланелевых пижамных штанах в мишках.

— Вот черт, — стонет Тереза, одергивая пальто. — Я же помнила, что надо что-то еще надеть...

Алберту хмыкает.

— Что с тобой стряслось, пупсик**? — с любопытством

* Papalaria — очень расплывчатое название. Это может быть и магазин «канцтовары», и магазин письменно-рисовальных принадлежностей, и просто газетная лавочка.

** Строго говоря, фамильярное *fofinha* переводится на русский язык как «пышечка», но, поскольку мы склонны обозначать этим словом только пухленьких барышень, а Тереза — совсем наоборот, длинная и костистая, пусть будет «пупсик».

спрашивает он. — Опоздала, не выспалась, забыла переодеться... Подцепила, что ли, кого?

Тереза дергает плечом и отворачивается.

— Не твое дело, — бурчит она. — Подружка с Мадейры приехала, вина домашнего привезла.

Алберту понимающе кивает.

— Домашнее вино — это дааааа... — он приобнимает Терезу за плечи. — Не тоскуй, пупсик! Будет у тебя еще мужик — все подружки обзавидуются. А мы все обрвнуемся.

Тереза сует руки в карман, сжимает кулаки и считает про себя до десяти. Досчитав, поворачивается к Алберту.

— Давай уже выгружать, — тихо говорит она. — Мне открываться через двадцать минут, а еще надо домой бежать переодеваться.

— Да? А я думал, ты так сегодня и будешь ходить, — Алберту распахивает металлические дверцы фургона. — Не совсем эротическое неглиже, но все же...

— Алберту... — нехорошим голосом говорит Тереза.

— Молчу, молчу! Вот эта пачка, эта, эта и эти две — твои, — Алберту достает из кармана сложенную вчетверо квитанцию. — Держи. Можешь не проверять, все как обычно.

Тереза кивает, вытаскивает из фургона две газетные пачки и несет их к магазинчику. До него всего пять шагов, и Тереза старается идти легко и красиво, как будто тяжеленные пачки не оттягивают ей руки, а нейлоновые веревки, которыми они перевязаны, не врезаются в ладони. Если Алберту смотрит ей вслед, то пусть видит, что... Не доходя до магазинчика, Тереза не выдерживает и оборачивается. Алберту прислонился к фургону и уткнулся в какую-то тоненькую брошюру.

Тереза тяжело вздыхает, кладет пачки на землю и достает из карманы ключи. Не смотрит — и черт с ним.

— Эй, — Тереза как будто случайно касается руки Алберту. Алберту, погруженный в свою брошюру, автоматически отдергивает руку. Тереза закусывает губу.

— Я все выгрузила и подписала. На. — Она протягивает Алберту его часть квитанции. Алберту кивает и поднимает палец — «не мешай!»

— У тебя очень сухая кожа на руках, — говорит Тереза внезапно. — Ужасно сухая. Как наждак.

— Ага, — Алберту поднимает на Терезу затуманенный взгляд. — Слушай, пупсик, сколько будет восемь плюс девять плюс два?

— Девятнадцать, — отвечает Тереза. — А что?

— Отличная штука. Числовые головоломки, — Алберту показывает Терезе свою брошюру. — Вот это — Какуро, а еще есть Судоку. Я прямо подсел, уже пятую книжку добиваю! — Алберту чешет руку с брошюрой об штаны. — И правда, кожа ужасно сухая, — недоуменно говорит он и тут же снова утыкается в головоломку. — Ладно, фиг с ней. Сейчас, последний вопрос и я поехал. Пять плюс восемь и вычешь это из двадцати четырех?

— Одиннадцать, — говорит Тереза. — Погоди минутку, ладно? Я сейчас!

Она бежит к магазину и хотя возвращается почти сразу, Алберту уже сидит за рулем фургончика.

Тереза подбегает к кабине, свинчивая крышечку с синего тюбика.

— Смотри, какой я вчера купила крем, — тяжело дыша, говорит она. — Давай сюда руки!

— Извини, пупсик, — Алберту поворачивает ключ, и фургончик начинает фырчать и подрагивать. — Опоздаваю! Давай завтра, ладно? Я тебе головоломок привезу, у меня их еще штук двадцать дома лежит.

Тереза молча кивает.

Фургончик с надписью «Газетчик». Доставка печатной продукции» задом выезжает из переуллка. Тереза смотрит ему вслед.

Крем из незакрытого тюбика длинными белыми колбасками падает на полу черного элегантного пальто и на флаanelевые пижамные штаны в мишках.

Farmácia*

Изилда бежит по узким улочкам, держа на весу правую руку, замотанную в красный шелковый шарф.

— Я не умру. Я не умру. — думает Изилда в такт собственному бегу. — Я не умру, не умру, янеумру.

Изилда не оглядывается — бережет дыхание. Но она уверена, что за ней тянется кровавый след.

* * *

Утром Жоау Манел собрал чемодан и сказал, что уходит.

— Извини, — сказал Жоау Манел. — Я пытался. Ты знаешь, что я пытался, ты не можешь сказать, что я не пытался, потому что я пытался, и ты...

Изилда вытолкала Жоау Манела из квартиры и закрыла дверь.

— Ты не можешь сказать, что я не пытался! — донеслось до нее.

* * *

— Я не умру, я не умру, — бухает в голове у Изилды. — Я не умру.

Нога подворачивается, и Изилда чуть не падает.

Кто-то поддерживает ее под локоть.

* Farmácia — это просто себе аптека. В Португалии они действительно закрываются на обед.

— Осторожнее, — говорит кто-то. — Бегать по брусчатке на каблуках довольно опасно.

Изилда, не глядя, вырывает свой локоть.

— Я не умру, — бормочет она. — Я не умру.

* * *

Жоау Манел позвонил Изилде, когда Изилда крошила лук.

— Ты плачешь?! — изумился Жоау Манел.

— Я крошу лук, — ответила Изилда.

— Ты не можешь винить во всем меня! — возбужденно сказал Жоау Манел. — Ты знаешь, что я пытался, ты не можешь сказать, что я...

Изилда отключила телефон.

Потом отложила луковицу, взяла нож в левую руку и с силой полоснула лезвием по правому запястью.

* * *

Изилда видит в тридцати метрах зеленый аптечный крест и плачет от облегчения.

— Я не умру, — почти успокоенно думает она, прижимая к груди обмотанную шарфом руку. Зеленый крест расплывается и мигает. — Я не умру...

* * *

Пока кровь текла медленно и неохотно, Изилда смотрела на нее с отстраненным любопытством, но когда капля превратилась в веселенький ручеек, впала в панику и заметалась по дому в поисках бинтов, зажимая порез рукой.

Бинтов нигде не оказалось. Пропали и ватные тампоны, и стерильные марлевые компрессы, и даже пластыри — видимо, ипохондрик Жоау Манел все унес с собой.

В аптечном шкафчике осталась только пачка аспирина и прокладки «ночные ультра-плюс».

Дрожащими руками Изилда вскрыла упаковку прокла-

док. От усилия кровь полилась еще сильнее, пятная белые плитки пола.

Изилда положила прокладку на запястье, сверху туго обмотала его красным шелковым шарфом и выскочила из дома, даже не посмотрев, есть ли у нее с собой ключи.

* * *

На входе в аптеку стайка одетых в коричневое учениц католического лицея обсуждает насущные вопросы.

— Я зайду взвешусь, — говорит одна.

— А я померяю давление, — подхватывает другая.

— А я, — третья задумывается, — а я... а я сделаю тест на сухость кожи!

— С вашего позволения, — страшным сдавленным голосом произносит Изилда, и девочки мгновенно расступаются, давая ей дорогу.

Изилда толкает тяжелую стеклянную дверь, но та не поддается. Изилда толкает ее и еще раз, потом бросается на нее всем телом.

Она сама себе напоминает безумную муху, но остановиться не может, бьется и бьется о дверь аптеки, пока ее не оттаскивают. Только тогда Изилда видит, что по другую сторону стеклянной двери перепуганная девочка-аптекарь в белом халате и с надкусанным бутербродом в руке точно так же безуспешно пытается открыть дверь, но не внутрь, а наружу.

* * *

Стажеру Соне Алмейда страшно почти до обморока. Губы у нее прыгают, а руки дрожат так, что не удерживают бутерброд.

«Маслом вниз, — автоматические констатирует Соня, возясь с дверью, — Плакал мой обед...»

Соня в первый раз осталась одна в аптеке в обеденный перерыв. Это нарушение всяких правил, и заведующая

была против, но Соня сказала: «Ну, пожалуйста, ну, я же все равно не успеваю доехать до дома, а на ресторан у меня денег нет», и заведующая махнула рукой: «Ладно, сиди тут, только никуда не выходи, и никому не открывай, пока я не вернусь», а Соня сказала: «Конечно!» и достала из сумки пакет с бутербродами. Она хотела поесть и походить между стеллажей, проверить — все ли она правильно запомнила, где что лежит, и вот теперь появилась эта сумасшедшая, и бьется об дверь, и Соня ей открывает — не может не открыть, хотя и понимает, что ей влетит от заведующей.

* * *

Изилда, пошатываясь, заходит в аптеку, поскальзывается на чем-то и почти падает на стойку.

Соня кидается к ней.

— Простите, простите ради бога, это был мой бутерброд, он упал, я ненарочно, простите, вы не ушиблись, простите, вы в порядке?!

Изилда протягивает к Соне замотанную в шарф руку.

— Я ведь не умру? — на удивление нормальным голосом произносит она. И повторяет уверенно. — Я не умру.

* * *

Соня притащила кресло заведующей, усадила в него Изилду и осторожно разматывает шарф. Шарф весь в пятнах крови, и Соню слегка подташнивает. Изилда сидит спокойно, с отстраненным выражением лица, только губы шевелятся.

Соне кажется, что она говорит «Янеумру, янеумру, янеумру».

Соня откладывает шарф и осторожно отлепляет почти насквозь мокрую прокладку. Запястье, все в засыхающей крови, выглядит сплошной раной.

Соня сглатывает и начинает аккуратно смывать кровь физиологическим раствором из большой пластиковой фляги.

Изилда прекращает шептать и внимательно смотрит на то, как розовые капли раствора стекают с ее руки.

Соня последний раз очень осторожно проводит марлевым компрессом по Изилдиному запястью.

* * *

А пореза там нет.

* * *

Как и не было.

Loja de brinquedos*

Согнувшись в три погибели Тина волоком тянет по полу небольшую, но страшно тяжелую коробку, на которой красным фломастером написано «Карнавал».

Вытаскивает на середину магазина и оглядывается в поисках табуретки.

Тине кажется, что табуретка должна стоять в углу за дверью. Или у стеллажа с головоломками. Или, на худой конец, у дальней стены, возле огромного желтого ящика, где лежат вповалку плюшевые кошки и собаки. По крайней мере, где-то там Тина ее видела буквально вчера. Или позавчера. Вернее, неделю назад, когда пришли февральские заказы, и Тина, нагруженная куклами и мячами, зацепилась ногой за табуретку, и чуть не свалилась. Или это было еще перед Рождеством?

Тина бросает свою коробку и медленно обходит магазин.

— Табуреткаааааа, — мурлычет Тина, — табурееетка!
Где тебя черти носят, когда ты нужна?

Табуретка не отвечается. Тина растерянно бродит между стеллажами, заглядывает за дверь, за прилавок и в под-

* Loja de brinquedos — магазин игрушек. Я тут немножко нарушаю собственное правило писать только о лавочках с традиционно звучащими именами, оканчивающимися на *-ia*, но, с другой стороны, не могла же я принести такое волшебное место как магазин игрушек в жертву пустой формальности!

собку, долго роется в желтом ящике, осторожно раздвигая кошек и собак.

— Сгинула моя табуреточка, — бубнит себе под нос Тина, продолжая шарить в ящике. — Хотела бы я знать ку... А это что такое?!

Тина нетерпеливо отбрасывает сунувшуюся под руки ядовито-желтую длинноухую собаку с безумными пластмассовыми глазами. Со дна ящика, недовольно поджав тонкие губы, на Тину смотрит крошечная, сморщенная женщина, одетая в роскошное шелковое платье.

— Тетушка Мария ду Карму, — шепчет Тина с благоговейным ужасом. — Тетушка Мария ду Карму нашлась... С ума сойти...

Тина осторожно, как ребенка, вытаскивает тетушку Марию ду Карму из ящика и усаживает ее на прилавок. Это не кукла, а марионетка для чревовещания, сделанная в виде немолодой дамы. За время лежания в ящике под грудями плюшевых кошек и собак она потеряла хрустальный лорнет, седые волосы выбились из высокой прически и висят кое-как, а желтое вышитое платье измято и слегка запятнано голубоватой плесенью. Но у нее такое живое лицо, как будто тетушка Мария ду Карму сейчас заговаривает.

Тина слюнит большой палец и тщательно оттирает с острого тетушкиного носа небольшое темное пятнышко. Как, интересно, она попала в ящик? Тина была уверена, у нее не оставалось ни одной марионетки...

Колокольчик на двери звякает, и в магазин вваливается Карлуш. «Черт, — думает Тина, прижимая к себе тетушку Марию ду Карму. — Только его мне сейчас и не хватало».

— Привет, Тина! — орет Карлуш так громко, что колокольчик на двери снова звякает, а со стеллажа с куклами

падает крокодилица Кука** и говорит «Olá!». — Я пришел за карнавальным костюмом, у тебя есть карнавальные костюмы? Потому что, если у тебя нет карнавальных костюмов...

— Есть, есть, — перебивает его Тина, подбирая Куку и снова укладывая ее на полку. — У меня есть прекрасные карнавальные костюмы, только что привезли. Только ты не кричи, пожалуйста, хорошо? А то куклы пугаются.

Карлуш кивает с таким энтузиазмом, что Тина становится боязно за его голову — не оторвалась бы.

«Черт, — снова думает она. — Надо было закрыть магазин хотя бы до обеда... знала же, что Ненуку*** припрется...»

Про себя Тина никогда не называет Карлуша Карлушем, только «Ненуку». Ей очень стыдно, но она ничего не может с собой поделаться.

Одутловатое лицо Карлуша, его крошечные запухшие глазки неприятного желтого цвета, всегда мокрая отвисшая нижняя губа и огромные не по росту ноги — вызывают у Тины ощущение какого-то брезгливого ужаса. Когда однажды, здороваясь, Карлуш чмокнул Тину в щеку и всю ее облизнул, Тина чуть с ума не сошла, пока не помыла щеку с мылом и не протерла ее спиртом на всякий случай.

Тина страшно боится, что однажды Карлуш поймет, как она к нему относится, поэтому она позволяет Карлушу приходить в магазин каждый день, хотя знает, что он обязательно что-нибудь стянет или сломает.

** Крокодилица Кука — персонаж книги «Орден желтого дятла» и одноименного детского сериала

*** Ненуку — ужасная кукла-младенец в натуральную младенческую величину. Лысая, с крошечными белесыми глазками, и печатью дебилизма на опухшей морде. Почему-то производители игрушек считают, что именно так и выглядят настоящие живые дети, и производят Ненуку в промышленных количествах.

— Тина, Тина!!! — вопит Карлуш у Тины над ухом. Тина делает страшные глаза, и Карлуш прихлопывает рот ладонью. — Тина, Тина!!! — задавленно шепчет он из-под ладони. — Что это за коробка? Это с карнавальными костюмами коробка?! Можно, я открою?

Тина кивает. В другой день она бы запретила, все же, карнавальные костюмы денег стоят, но сегодня ей так хочется, чтобы Карлуш побыстрее наигрался и ушел, что она готова пожертвовать несколькими парами полосатых штанов и набором разноцветных париков.

— Ничего, — тихонько говорит Тина тетушке Марии ду Карму, которая смотрит на нее с неудовольствием. — Сейчас он себе выберет какой-нибудь парик или поролоновый нос и уйдет. Он быстро уйдет, вы потерпите!

Тетушка Мария ду Карму ничего не отвечает, но Тине кажется, что ее лицо немного разгладилось.

— Тина! — зовет Карлуш. — Тина посмотри на меня! Угадай, кто я?

Тина смотрит на Карлуша. Поверх джинсов он натянул широченные клоунские штаны в разноцветных заплатах, на плечи накинул плащ с летучей мышью, прицепил себе малиновый нос с приклеенными к нему соломенными усами, а на голову нахлобучил широкополую шляпу с пером.

«Двадцать пять да двадцать, да семь пятьдесят, да одиннадцать сорок», — подсчитывает про себя Тина и морщится. Почти шестьдесят пять евро. У Карлуша, конечно, таких денег нет, а его родители никогда не платят за то, что он берет или портит в магазинах. «Не надо было пускать! — заявила в позапрошлом году мать Карлуша, худая и нервная дона Фатима, когда Карлуш перевернул в аптеке на углу шкафчик с дорогой швейцарской косметикой. — Вы что не видите, что он ненормальный?»

— Ну, Тина! — обиженно говорит Карлуш. — Почему ты не угадываешь? Как ты думаешь, я клоун или Бэтмен?

— Ты клоун, — отвечает Тина с тяжелым вздохом. — Или Бэтмен.

— Не угадала!!! — радостнов вопит Карлуш и выхватывает из кармана лакированную палочку с шариком на конце. — Я волшебник!!!

«Да еще три двадцать», — механически приплюсовывает Тина, криво улыбаясь.

— Я волшебник! — с гордостью повторяет Карлуш. — Смотри, какой я волшебник!

Он делает шаг вперед и поднимает свою палочку.

— Я хочу, чтобы кукла ожила! — кричит Карлуш, тыча палочкой в живот тетушке Марии ду Карму. — Раз-два-три, кукла оживи!!!

Тина отдергивает тетушку и внезапно улыбается. Пока Карлуш размахивает палочкой и выкрикивает какие-то волшебные слова собственного сочинения, она осторожно надевает тетушку на руку.

«Надо же, — мимолетно удивляется Тина. — Столько лет прошло, а такое ощущение, что только вчера...»

Тетушка Мария ду Карму вертит головой и откашливается.

— Привет, Карлуш! — говорит она тоненьким голоском.

Карлуш прекращает кричать, как будто кто-то выключил громкость. Его крошечные тусклые глазки испуганно расширяются.

— Привет, Карлуш! — повторяет тетушка Мария ду Карму. — Как твои дела?

— Хо... хо... нормально, — выдавливает Карлуш и делает шаг назад.

— У тебя очень красивый костюм, Карлуш! — говорит тетушка и тянет к Карлушу сухонькую ручку. Карлуш пятится к выходу. — погоди, Карлуш, ты куда? Не уходи! Мы же только что познакомились! Давай поговорим! Я никогда раньше не видела живых волшебников!

— Я не хочу! — кричит Карлуш, срывая с себя шляпу и накидку. — Я не волшебник! Я Карлуш! — он кидает лакированную палочку на пол и выскакивает из магазина. — Я не волшебник! — доносится до Тины с улицы.

Тина осторожно выглядывает на улицу. Карлуша нигде нет.

— Удрал, — торжествующе говорит она тетушке Марии ду Карму. — Унес только штаны и нос с усами. Как вы думаете, тетушка, мы с вами переживем потерю тридцати двух с половиной евро?

— Я-то переживу, — отвечает тетушка хриплым басом. — Я вообще все переживу, если, конечно, ты перестанешь разговаривать за меня идиотским кукольным голосом и вытащишь из меня холодную руку — мне неприятно.

Тетушка Мария ду Карму смотрит на остолбеневшую Тину и заходится громким визгливым смехом.

Florista*

— Льет, как из ведра, — говорит Сорайа, переступая через порог и прикрывая за собой тяжелую стеклянную дверь. — Совершенно не представляю, зачем мы сегодня с тобой открылись. Наверняка, никто не придет...

Сорайа с силой встряхивает маленький, абсолютно мокрый зонтик, и засовывает его в деревянную подставку в виде слоновьей ноги.

— Зачем я вообще вышла сегодня из дома? — уныло спрашивает она, стаскивая с себя зеленый вельветовый жакет весь в мокрых потеках. — Ливень, холод... Жакет, вот, промок...

Сорайа вешает жакет на гвоздик в стене и идет вглубь магазина к шаткому деревянному столу, заваленному прозрачным целлофаном, обрезками цветной бумаги и катушками с золотистыми лентами.

— Сигареты, — бормочет она себе под нос, смахивая со стола упаковку искусственных стрекоз. — Где-то здесь были мои сигареты... Мигель, ты не видел моих сигарет? Мигель?

Никто ей не отвечает.

Сорайа поднимает стрекоз, сует их в карман юбки и подходит к огромному развесистому фикусу в черной кадке.

— Мигель? — требовательно повторяет она. — Ты мне что, бойкот объявил? Я с кем вообще разговариваю?!

* Florista — это, строго говоря, цветочница, но цветочная лавочка тоже называется florista.

Фигус молчит и делает вид, что Сорайя разговаривает с кем-то другим.

Сорайя мрачнеет.

— Да не буду я курить здесь, не волнуйся! — говорит она. — Я за дверь выйду!

Несколько секунд Сорайя сверлит фигус сердитым взглядом, потом внезапно кивает и улыбается.

— Точно! Что бы я без тебя делала! — она звонко чмокает фигус в мясистый зеленый лист и притворно морщится. — Фу, пыльный какой! Хоть бы умылся!

* * *

Сорайя курит у приоткрытой двери, выдыхая на улицу облачка сизого дыма.

— Я тебя на эти выходные заберу, — говорит она. — Съездим куда-нибудь. В Эвору, например. Или в Бежу. Или, знаешь что? — Сорайя выкидывает окурок в дождь и закрывает дверь. — Давай, возьмем пару дней и поедем в Алгарве? Там сейчас хорошо. Тепло...

Сорайя выжидающе смотрит на фигус.

— Думай, конечно, — наконец, говорит она. — Только до пятницы мне скажи, чтобы я знала, какие вещи брать.

Сорайя достает из-под стола белый шуршащий пакет с логотипом супермаркета и вынимает из него яблоко, шоколадку и бутылку воды.

— Хочешь пить? — спрашивает она. — Я сегодня негазированной принесла.

Сорайя подходит к фигусу и осторожно, тоненькой струйкой выливает воду в кадку.

Внезапно она гневно выпрямляется и с размаху бьет фигус кулаком по гибкому стволу.

— Я же тебя просила! — говорит она, и ее голос дрожит от негодования. — Я же тебя сто раз просила не делать ЭТОГО в моем присутствии!

Casa da Sorte*

— ...четырнадцать, пятнадцать, шестнадцать, — дона Адриана, прямая и строгая, как мемориальная доска, сидит в своей спальне перед узким дубовым секретером. На откинутой крышке секретера рассыпаны монеты разного достоинства, и дона Адриана осторожно двигает их одним пальцем, как будто играет сама с собой в магнитные шашки, — семнадцать, восемнадцать...

Дона Адриана аккуратно сгребает одно и двух-евровые монеты в гобеленовый кошелечек с вышитым распятием, и начинает пересчитывать сентимы.

— ...десять, двадцать, тридцать, сорок, — все убыстряя ритм, шепчет дона Адриана, смахивая монетки с крышки секретера в подставленную ладонь, — пятьдесят, шестьдесят...

* * *

Странно, — думает дона Адриана, раздраженно открывая и закрывая кошелек. — Куда я могла деть еще четырнадцать сентимов? Не могу же я выйти из дому с девятнадцатью евро восьмидесятью шестью сентимами?!

* Casa da sorte — буквально «дом удачи». так называется лавочка, в которой продаются самые разные лотерейные билеты — от мгновенных до «евромиллиона». очень странное, но вполне волшебное место, тем более волшебное, что устраивает лотереи *Santa Casa da Misericórdia* — Святой Дома Милосердия, церковное братство, существующее с 1498 года. Считается, что деньги от продажи идут на «добрые дела» — на содержание сиротских домов, домов престарелых, ночлежных домов для бездомных и т.д.

* * *

Дона Адриана снова вываливает монеты на крышку секретера и тщательно пересчитывает.

Девятнадцать восемьдесят шесть.

Пересчитывает еще раз, помедленнее. Гладит монеты кончиками пальцев, смотрит просительно на каждый центим.

Девятнадцать восемьдесят шесть.

Еще раз. Резко, сердито, почти с отвращением скидывает монеты в кошелек.

Неправдоподобно легкая сентимовая монетка падает мимо гобеленового кошелька, ударяется о скучную, темно-серую тапочку доны Адрианы, встает на ребро и бесшумно укатывается под шкаф.

Дона Адриана смотрит ей вслед ничего не выражающим взглядом. Потом роняет голову на откинутую крышку секретера и горько, по-детски, плачет.

* * *

Когда я в следующем месяце получу пенсию, — думает дона Адриана, крепко сжимая в кулаке найденную в кармане жакета двадцатисентимовую монету, — разложу по всем карманам по одному евро. Нет, по два. Нет, по евро пятьдесят, и еще два евро — в очеиник.

* * *

— Пересчитайте, пожалуйста, — говорит дона Адриана, подвигая монеты сеньору Гомешу. — Вдруг я ошиблась?

Сеньор Гомеш смахивает монеты в кассу.

— Ну, что вы, дона Адриана! — говорит он. — Вы — и вдруг ошиблись?! Вы не можете ошибиться. Если вы ошибетесь, мир рухнет!

Дона Адриана сдержанно улыбается уголками рта.

— Вам как обычно? — спрашивает сеньор Гомеш и, не

дожидаясь ответа, вытаскивает из ящика четыре билета классической** лотереи.

Дона Адриана берет билеты. На мгновение ее рука касается руки сеньора Гомеша. Сеньор Гомеш краснеет и громко сглатывает. Дона Адриана опускает глаза.

— Благодарю вас, сеньор Гомеш, — говорит она дрожащим голосом и торопливо идет к двери. На пороге оборачивается. — До свидания. До следующего раза.

— До следующего раза, — эхом повторяет сеньор Гомеш, недоверчиво глядя на свою руку. — До следующего раза.

** Классическая лотерея — одна из многочисленных лотерей, которые устраивает *Santa Casa*.

Drogaria*

Жоау Карлушу снится, что он стоит перед унитазом в абсолютно пустом туалете и никак не может помочиться. Фальшиво насвистывая «Мария Албертина, как же ты посмела»**, Жоау Карлуш раз за разом спускает воду, чтобы подбодрить себя звуком льющейся воды. Безрезультатно. Только тяжесть в мочевом пузыре становится почти невыносимой.

«Доброе утро! — раздается вдруг чей-то громкий голос. — С вами Сильвия Андраде и Радио Возрождение!»

«Это ЖЕНСКИЙ туалет!» — с ужасом понимает Жоау Карлуш и просыпается.

Несколько мгновений он лежит с закрытыми глазами, потом рывком вскакивает и бежит в туалет, на бегу стягивая с себя полосатые пижамные штаны.

Унитаз уже третий день протекает, поэтому Жоау Карлуш мочится в раковину — долго и обильно, тихонько постылая от облегчения. Закончив и стряхнув последнюю каплю, он тщательно протирает раковину какими-то антибактериальными салфетками, которые накануне вечером купил на заправке. Выбрасывает использованные салфетки

* Drogaria — это вовсе не место, где продают наркотики (*droga*), а просто себе хозяйственный магазин. Там всегда удивительно пахнет свежим металлом.

** Maria Albertina — очень популярная тут у нас песня. Уже лет тридцать как популярная. Про парикмахершу, которая назвала свою дочь Ванессой.

в пакет с мусором, включает газовую колонку и лезет в душ. «Мария Албертина, как же ты посмела», мурлычет Жоау Карлуш, намазывая голову.

Полчаса спустя Жоау Карлуш — ослепительно элегантный новом в деловом костюме цвета «Летняя полночь» — бегом спускается по лестнице. В правой руке у него тонкая кожаная папка, в левой — пакет с мусором.

— Доброе утро, господин архитектор! — говорит консержка дона Ана, с обожанием глядя на Жоау Карлуша. От этого обожания Жоау Карлушу всегда делается немного не по себе.

— Доброе утро, дона Ана, — откликается он. — Ну что, Манел починит мне сегодня унитаз?

Дона Ана страдальчески морщится. Накануне ее муж Манел, числящийся при кондоминиуме сантехником, поспорил в баре, кто выиграет футбольный кубок в этом году, и теперь сидел дома с загипсованной ногой и повязкой на глазу.

— Заболел он, господин архитектор, — дона Ана разводит руками. — Сильно заболел, с постели не встает.

— И что мне теперь делать прикажете? — едко спрашивает Жоау Карлуш. — Биотуалет покупать?

Дона Ана уставилась на свои руки и не поднимает глаз. Жоау Карлуш тяжело вздыхает.

— Когда Манел выздоровеет, пусть сразу зайдет ко мне, — командует он и идет к выходу.

— А может, — слабым голосом говорит ему в спину дона Ана, — может вы братца вашего попросите? Может, он починит?

— О, дааааа.... этого, пожалуй, допросишься! — с этими словами Жоау Карлуш выходит на улицу и громко хлопает входной дверью.

* * *

«Мария Албертина, как же ты посмела», — мурлычет Витор, кромя ножом белую парафиновую глыбу. Парафин крошится, и Витор хмурится. Наконец, ему удается отковырять небольшой кусок.

— Достаточно? — спрашивает он у покупательницы — небольшой девочки в розовой нитяной шапочке.

— Даже много, — отвечает девочка. — Можно поменьше?

— Поменьше этого только крошки, — строго отвечает Витор. — Насыпать вам парафиновых крошек?

Девочка мотает головой — крошки ей не нужны. Витор пожимает плечами — ну, не хотите и не надо — и кидает кусок на весы.

— Евро десять, пожалуйста, — Витор заворачивает парафин в коричневую бумагу и оглядывается в поисках клейкой ленты или огрызка шпагата. Потом внезапно ухмыляется, лезет куда-то под прилавок, достает оттуда розовую «подарочную» тесьму и старательно обвязывает ею сверток.

— Вот, — говорит он. — Чтобы не нарушать цветовую гамму.

— Спасибо большое, — бормочет девочка, заливаясь краской до самой шапочки. Она кладет на прилавок деньги, которые достала из розового нитяного кошелечка, хватая свой парафин и выскакивает за дверь, едва не столкнувшись на пороге с доной Анной.

— Доброе утречко, донна Ана! — кричит Витор, выходя из-за прилавка и распахивая объятия. — Как вы себя чувствуете? Как ваше давление?

Донна Ана звонко целует Витора в обе щеки.

— Все прекрасно, сынок. Как перестала пить кофе, сразу стало полегче.

Витор понимающе кивает.

— Чем могу быть полезен, моя дорогая? — спрашивает он, возвращаясь за прилавок. — Замок от входной двери поменять хотите?

Дона Ана отрицательно качает головой.

— Мне бы эту... такую штуку резиновую... для унитаза... Унитаз у жильца протекает.

— Дона Ана! — со смехом ахает Витор. — Вы теперь и сантехник? А как же Манел?

— Манел ногу сломал, алкоголик, сукин сын, — зло говорит дона Ана. — Сидит дома, уставился в телевизор, копыто свое выставил загипсованное и пиво хлещет. А все здание — на мне!

Витор гладит дону Ану по руке.

— Ну, не расстраивайтесь так. Хотите, я вечером зайду, посмотрю, что там с унитазом?

— Витор! Сынок! Правда, зайдешь? А тебе не сложно?

— Ну, дона Ана, миленькая, когда я вас последний раз обманывал? — говорит Витор с укоризной. — В какой квартире у нас авария?

Дона Ана молчит и смотрит на него жалобно и виновато.

Витор мрачнеет.

— Да что вы? — неприятным голосом спрашивает он. — Неужели, у их высочества? Неужели, у моего великого брата еще и унитаз есть? Может... — Витор изображает на лице крайнюю степень изумления, — может, он им пользуется?! Может, даже назначению?! Может, он туда какает?! И не всегда розами?!!

Дона Ана тихонько вздыхает, и Витор успокаивается так же быстро, как и завелся.

— Ладно, — устало говорит он. — Раз пообещал — значит, зайду. Посмотрим, что наш господин архитектор натворил с унитазом.

* * *

Спустя полчаса дона Ана, наконец, уходит. Витор прохаживается вдоль стеллажей, задумчиво прикасаясь то к россыпи блестящих шурупов в большом деревянном ящике, то к огромной катушке, на которую намотана металлическая

цепь. Ковыряет ногтем парафин и тут же брезгливо вытирает руку о комбинезон.

Потом заходит в подсобку. На вешалке, прикрытый тонким полиэтиленовым пакетом, висит деловой костюм цвета «Летняя полночь». «Мария Албертина, как же ты посмела», бормочет Витор, перекладывая тонкую кожаную папку со стула на полку.